

Сиротам здесь не место

Ссылка на статью: <http://rusrep.ru/article/2013/07/23/detdom>

Авторы: Ирина Кравцова

Очередной малокомплектный детский дом в Подмоскowie под угрозой

Солнечногорские чиновники решили по-быстрому раздать детей-сирот из малокомплектного Берсенеvского детдома в деревне Радумля алкоголикам и безработным, а кого не возьмут — раскидать по большим детдомам. Все для того, чтобы уже к сентябрю ликвидировать детдом за ненадобностью и отчитаться перед начальством, что работа выполнена, сирот в районе больше нет. Пока сотрудники приюта и волонтеры пытаются бороться с произволом, власти успокаивают их, говоря, что дети останутся на месте, а сами тем временем строят планы на трехэтажное здание приюта, в котором сирот совсем скоро не останется.

Осложняется ситуация с расселением детей тем, что все воспитанники детдома из неблагополучных семей. Почти все тяжело больны: у восьмилетнего Пети астма, у четырех ребят туберкулез, у одиннадцатилетней Нади СПИД. До сих пор в Берсенеvском детдоме сироты жили своеобразной большой семьей. На 22 воспитанника приходилось 34 сотрудника. Каждый ребенок получал индивидуальный уход. Дети к этому уходу привыкли.

С воспитательницей Ириной Соколовой договариваемся встретиться на трассе, километров за сорок от Берсенеvского детдома. По влажной траве проходим вглубь заброшенной деревни в поисках места, где можно присесть.

— Чтоб было ясно, я сначала начну, ладно? — осматривая свои грязные ноги, предлагает Ирина.

Зимой этого года Берсенеvский детдом признали лучшим в Солнечногорском районе. А в апреле глава районного комитета по народному образованию Виктор Микилян отчитался в Министерстве образования, что всем сиротам своего района он буквально в рекордные сроки находит родителей и к концу лета пристроит в семьи всех. И потому приют к сентябрю нужно ликвидировать.

Среди сотрудников детдома началась паника. Написали письма Путину, в Думу, губернатору, волонтеров подключили. Тогда в приют приехали местные чиновники и пообещали, что не будут его закрывать, просто присвоят статус центра сопровождения детей, оставшихся без попечения родителей.

— Они нам лапшу на уши развешивали два часа. Мы и поверили, как лохи! — восклицает воспитательница. — Послушались их, панику прекратили. А через пару недель директор наш поехал в Солнечногорск на документы новые посмотреть, а перед ним все демонстративно дверки закрывают, чиновники говорить отказываются, — рассказывает Ирина, то изображая руками закрывающиеся двери, то копируя лица недовольных чиновников.

Оказалось, борьбу за высокие показатели и закрытие детдома Микилян в содружестве с опекой начал еще раньше.

В сентябре прошлого года бабушка семилетнего Вани отказалась от опекуна над ним и сдала в детдом: ребенок неуправляемый, нервный, справиться с ним пенсионерка не в состоянии. На выходные

женщина забирала внука домой. Ее все устраивало. А недавно ее вызвали в опеку и сказали, что если она возьмет внука к себе, то ежемесячно в рамках президентской программы будет получать большие деньги, а если нужно будет, сотрудники опеки лично помогут ей внука приструнить. Та наотрез отказалась. Тогда чиновники начали угрожать, что, если она не согласится, они переведут внука в детдом за сто километров от ее деревни, и тогда она точно не сможет к нему часто ездить — пенсии не хватит. Семилетний внук поймет, что она его предала. В итоге женщина согласилась.

— Документы на опеку оформляются не меньше по-лу-го-да, нужно сделать кучу справок. Они ей все оформили почти за неделю. Веришь?! За не-де-лю! — с негодованием восклицает Соколова. — К тому же по закону, если человек один раз уже не справился с опекой, ему не имеют права отдавать ребенка во второй раз. А ей не то что не дают — ее заставляют его забрать!

Вот еще подобный случай. Несколько лет назад четырнадцатилетний Андрей попал в детдом, из-за того что его мать за пьянство лишили родительских прав. Позже женщина по пьяни отморозила себе ноги и пересела в инвалидную коляску. Еще позже она вышла замуж за узбека, родила двоих детей. Сейчас она сидит без работы. Ее задолженность за квартиру превышает 200 тысяч рублей. Недавно все та же опека вызвала ее к себе и пообещала погасить задолженность полностью, если она заберет сына из детдома.

— Наша воспитательница живет по соседству с мамой Андрея, так она говорит, что та каждый день с утра до ночи бухает. В ее двухкомнатной квартире по факту прописаны как минимум шесть человек. Плюс периодически ночуют и бухают многочисленные родственники ее узбека. По всем нормам мальчика не могут поселить туда. Ан нет. Они ей обещали сделать справки по-быстрому и вручить сына. Так еще и доплатить!

— А откуда у опеки лишние двести тысяч?

— Ха-ха-ха, — искренне смеется Ирина, — да они всунут ребенка, а потом скажут, что ей обещание про деньги в пьяном бреду приснилось, и развернут коляску в направлении дома. Опека и ЖКХ же не связаны между собой. Что, они ей из своего кармана двести штук выложат?

Микилян рассказывает, что недавно вступила в действие президентская программа, согласно которой за прием ребенка в семью людям платят деньги. Поэтому, уверен чиновник, очень скоро сиротства в России вообще не станет.

Выяснилось, что таким образом почти всех детей и раскидали. «Бесхозными» остались восемь воспитанников. Чиновники и тут не растерялись. Пригласили к себе воспитателя детдома, который пару лет назад взял себе сироту из этого приюта, и предложили взять под опеку тех самых восьмерых, так сказать, оптом. Само собой, не бесплатно. За это ему пообещали отдать весь первый этаж в многоквартирном доме, а за каждого ребенка ежемесячно платить 55 тысяч рублей. Позже мужчина выяснил, что не то что предложенных квартир, а даже самого дома по названному адресу еще и в проекте не существует.

— Вот ведь еще какая штука, — оттирая салфеткой грязь со щиколотки, продолжает Ирина, — по факту сейчас всех детей без их вехом разбросали по семьям. То есть в конце августа они вернутся из лагерей, и им скажут: «Детдома больше нет. Ты, Маша, езжай вот к этим ”родителям“ жить, а ты, Петя, вот к этим». Если откажутся, их отправят в огромный Клиновский детдом, что в ста километрах отсюда.

— А туда они согласятся переезжать? — спрашиваю.

— А-а-а, в том-то и дело! — кивает Ирина так, будто ждала этого вопроса. — «Бесхозными» остались в основном взрослые ребята, лет по шестнадцать-семнадцать. Они тут всю жизнь прожили. Тут родители, семья, тут вся их жизнь. Когда они прознали обо всем, то сразу заявили, что из Клиновского приюта точно сбегут обратно в деревню. Образования у них толком нет, а есть захочется. Образуется банда — это же ясно как день.

Только одна загвоздка осталась у чиновников, с которой они еще не разобрались. Существуют так называемые реабилитационные центры. В них дети живут как в больнице: с ними не занимаются, не беседуют, они просто там живут. В течение нескольких недель им должны определить статус, например «сирота», и отправить в детдом. В Солнечногорском реабилитационном центре с апреля месяца по сей день сидят пятеро ребят. Им еще в апреле определили статус сирот и с тех пор пытаются отправить в Берсеневский детдом, к которому они прикреплены по месту жительства. Сотрудники звонят в опеку, как только объясняют суть дела — там бросают трубку.

Снова начинает накрапывать дождь. Мы с Ириной выдвигаемся к остановке. Обязательно нужно успеть сегодня до шести вечера на прием к председателю комитета по образованию Виктору Микилян. Иначе просто так в другой день к нему не попадешь: он принимает граждан с их проблемами и жалобами один раз в неделю, в понедельник, с 16 до 18 часов. Мне повезло, я успела.

— Детдом будут закрывать? — спрашиваю с порога.

— Эх-эх-эх, мал клоп, да вонюч, — неприятно улыбаясь, цедит Микилян.

На карандаше в его органайзере красуется надпись «Я помог детям». Такие дарят при покупке «Хеппи мила» в «Макдоналдсе».

— Вы не ответили, — говорю я, усаживаясь на кожаный стул напротив чиновника.

— Не буду я ничего ликвидировать, — не переставая улыбаться, утверждает мой собеседник.

— Вы же самому директору детдома об этом лично сообщили недавно, — пытаюсь не сдаваться я. — Кто будет находиться в этом здании, скажем, в октябре? Сироты?

— Сироты, — обещает Микилян.

— Еще говорят, вы хотели устроить в здании нынешнего детдома центр по подготовке будущих родителей. Это правда?

— Хотел. Устрою, — все так же спокойно отвечает чиновник.

— Но только что вы сказали, что в здании останутся сироты. А теперь говорите, в нем же будет находиться другое учреждение. Как так? Что там все-таки будет?

— Дети, — Микилян уже почти смеется.

— Какие дети?! — не выдерживаю я. — Сироты? Детдомовцы?

— Да что ты прицепилась? — выходит наконец из равновесия и мой собеседник. — Дети, сказал же. Какая разница, сироты — не сироты?!

Микилян рассказывает, что недавно вступила в действие президентская программа, согласно которой за прием ребенка в семью людям платят деньги. Поэтому, уверен чиновник, очень скоро сиротства в России вообще не станет. Ведь деньги будут платить — кто ж откажется? И в Берсеневском детдоме, в частности, сирот не останется. Это он взял на себя.

— Правда ли, — спрашиваю, — что вы хотите детей отдать обратно их родителям — алкоголикам и безработным?

— Да что ж вы клейма такие ставите? — раздраженно восклицает Микилян. — Ну, год мать пила, два пила. С кем не бывает? А потом вот мы вызвали ее к себе, поговорили, предложили средства дать на ребенка. Она — бац! — и согласилась его к себе забрать. И хорошо, ребенок в семье!

— Так ведь очень много возвратов, когда детей вот так отдают, — не отстаю я.

— Каких возвратов? — расплываясь в улыбке, спрашивает Микилян. — Нет возвратов...

У детских психологов идея о том, что с любыми родителями детям будет лучше, чем в детдоме, восторга не вызывает.

— Знаете, куда ведет дорога, устланная благими намерениями? — задает риторический вопрос сотрудник фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам» Юлия Курчанова. — То, что родителям будут платить деньги за прием ребенка в семью, прекрасно. Но проблемы кризисной семьи это не решит. Если мама и папа с утра до ночи пьют, ведут аморальный образ жизни, у них нет работы, то чем им помогут деньги?! Если родители — алкоголики, они обязательно должны пройти курс лечения в клинике. После возвращения ребенка еще как минимум год должен осуществляться контроль за семьей, чтобы не было рецидивов. Вернуть ребенка в проблемную семью без всего этого — преступление в чистом виде.

Уже вечером, после встречи с Микиляном, добираюсь до Берсеневского детдома.

— Детдом будут расформировывать? — уже традиционно с порога спрашиваю у директора Владимира Пестова.

— Я вам сейчас все расскажу, а завтра мне по шапке надают — так, что ли? Я ведь какой-никакой, а чиновник, — отвечает Пестов с таким видом, будто занимаемое положение особого удовольствия ему самому не приносит.

Через два дня после моего визита Микилян приехал в деревню Радумля. Заявил, что нечего было поднимать шумиху, зазывать журналистов. Что отказывается от планов за лето рассовать всех детей по семьям, что к родителям отправятся только те, кто сам захочет. И главное — что детдом закрывать не собирается. Показал некую бумагу, согласно которой детдом останется, но перейдет в новый статус. Однако в Министерстве образования заявили, что не только не давали Микилян согласие на закрытие детдома: там же еще есть непристроенные дети, но и про новый статус слышат впервые...

Волонтеры фонда «Милосердие» считают, что с Берсеневским детдомом сейчас происходит то же, что в прошлом году с Реутовским («РР» писал об этом в № 39 от 4 октября 2012 года — «Сирота, выйди вон!»). Тогда в середине учебного года чиновники объявили о ликвидации детдома. Сотрудники приюта и волонтеры подняли шумиху, в ответ на которую власти пообещали детдом не трогать. А через две недели прислали документы на закрытие приюта, посадили воспитанников в машины и увезли в огромный Егорьевский детдом. Несколько детей потом оттуда сбежали.

См. также:

Бес сиротства. Откуда в России берутся детдомовцы

Мать-перемать. Почему Юлия Кузьмина не справилась с ролью жертвы американских усыновителей

Детская национализация. Как Астахов защищал сирот от Запада. Хроники

Без жалости. Как депутат в дом малютки ездил